

О произведениях из коллекции архитектора В. А. Таубера в отделе народного искусства Государственного Русского музея

Г. А. Пудов

Государственный Русский музей,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4

Для цитирования: Пудов Г. А. 2024. О произведениях из коллекции архитектора В. А. Таубера в отделе народного искусства Государственного Русского музея. *Вопросы музеологии* 15 (1): 85–96. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2024.108>

В настоящей статье речь идет о художественных произведениях из бывшего собрания Виктора Александровича Таубера — известного архитектора, одного из организаторов Музея отживающего культа (1923–1927). Известно, что в 1925 г. он пожертвовал в этот музей большое количество церковной утвари из меди. Данный факт свидетельствует о существовании его личной коллекции уже в то время. После смерти архитектора, при приеме на временное хранение в Русский музей в 1944 г., экспонаты были распределены между несколькими отделами. Сегодня некоторые произведения находятся в отделе народного искусства. Разнообразные металлические изделия из собрания В. А. Таубера (светцы, брачные венцы, ключи, замки, подсвечник, ларцы-теремки, кронштейны, братина, булава) ранее не становились предметом специального исследования. У большинства не были определены время и место производства. Поэтому в центре внимания автора статьи — вопросы атрибуции названных изделий, также проведен их художественный анализ. Привлекались многочисленные аналогии из российских и зарубежных музеев. Предметы рассматривались как цельная коллекция. В итоге сделан вывод, что многие произведения из собрания В. А. Таубера — первоклассные памятники народного искусства, демонстрирующие бесконечное разнообразие художественных решений. Это подчеркивается не только их пребыванием на постоянной экспозиции отдела народного искусства, но и публикациями в различных музейных изданиях. Большинство произведений находится в сфере церковного искусства, поэтому не исключено, что они имеют отношение к Музею отживающего культа.

Ключевые слова: Виктор Александрович Таубер, коллекция, Музей отживающего культа, отдел народного искусства, Государственный Русский музей.

На временное хранение в Русский музей 21 ноября 1944 г. были приняты «предметы музейного значения из собрания умершего архитектора Таубера В. А.»¹. Представителями Русского музея были исполняющие обязанности старших научных сотрудников В. Е. Фармаковская и М. Г. Фракман, со стороны Государственной инспекции по охране памятников — Н. Т. Яглова. Всего поступило 57 предметов, в числе которых створки царских врат, иконы, светцы, ларцы, венчальные венцы, подсвечники, кадила, кронштейны, выносные фонари и медали. Особо следует отметить медные измерительные приборы XVIII в. На постоянное хранение вещи

¹ Акт временного хранения № 404 (№ 396).

были приняты 25 февраля 1966 г. Возможно, важную роль сыграло письмо директора Русского музея П. К. Балтуна начальнику Госинспекции по охране памятников, написанное в 1950 г. В письме П. К. Балтун просит передать 17 художественных произведений народного искусства из наследия архитектора Таубера, так как они «имеют высокое художественное значение и в настоящее время находятся в экспозиции Русского музея»².

В отдел народного искусства (ОНИ) на материально ответственное хранение Т. В. Боровиковой поступило 20 предметов (светцы, ключи, ларцы, брачные венцы, подсвечник, братина, курильница, кронштейны и замки)³. Две медали и одна монета приняты на материально ответственное хранение А. А. Войтовым — хранителем фондов нумизматики. Остальные предметы переданы в отдел древнерусского искусства⁴. Одна из вещей из коллекции В. А. Таубера, астролябия, находится с 1966 г. в Центральном военно-морском музее⁵. Ей посвящена специальная научная статья⁶.

Следует отметить, что в инвентарной книге отдела народного искусства крайне мало информации, касающейся атрибуции произведений из собрания В. А. Таубера. У большинства предметов указан только век, у многих вообще нет атрибуции.

Виктор Александрович Таубер вступил в Санкт-Петербургский союз архитекторов в 1935 г. Он проживал по адресу⁷: ул. Некрасова, д. 3/5, кв. 7. Известно, что Виктор Александрович был одним из организаторов Музея отживающего культа (1923–1927), занимал должность ответственного хранителя⁸. Музей так и не открылся для посетителей⁹, хотя в нем были собраны великолепные произведения искусства. О существовании личной коллекции В. А. Таубера известно уже в 1925 г. — в то время он пожертвовал в музей шесть ящиков с разобранными частями медной церковной утвари¹⁰.

В коллекцию отдела народного искусства поступило три светца¹¹. Особо примечателен светец с инвентарным номером М-826¹² (рис. 1). Он относится к типу поставных светцов и, судя по аналогиям из собрания Государственного исторического музея (ГИМ), может датироваться XIX в.¹³ Стержень светца (стоян) перевит только до середины высоты, далее он представляет собой гладкий четырехгранник. Украшения здесь заменены несколькими растительными завитками, симметрично

² Ведомственный архив Государственного Русского музея (ГРМ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 1801. Л. 34.

³ Акт ПП (приема — передачи) № 3381 от 25 февраля 1966 г.

⁴ Акт ПП № 5418 от 11 июля 1985 г., акт ПП № 5419 от 15 июля 1985 г., акт ПП № 4139 от 20 сентября 1973 г.

⁵ Поступления из Русского музея по акту № 1260 от 15 февраля 1966 г.

⁶ Рогачев, 2003.

⁷ Справка из Санкт-Петербургского союза архитекторов.

⁸ Ананьев, 2018а. С. 59. Этот музей был частью обширной программы спасения памятников искусства и архитектуры, которую разрабатывало общество «Старый Петербург» (см.: Шехурина, 2006). По его истории существует литература (труды А. Д. Марголиса, П. М. Блинова, М. И. Рославлева, А. М. Конечного, А. И. Голубевой).

⁹ Ананьев, 2018b.

¹⁰ Ананьев, 2018а. С. 61. Впрочем, не исключено, что изделия имеют отношение к Музею отживающего культа.

¹¹ Инв. № М-826, М-827, М-828.

¹² Размеры: 1,41 м × 33,4 см. В настоящее время находится на постоянной экспозиции.

¹³ Кованые железные светцы..., 2013. С. 147, 149, 153.

расположенными на стержне. Дуги основания и зажимы, прикреплявшие завитки к стержню, декорированы насечкой в виде елочки. В верхней части светца, между двух «расщепов» в виде цветов, помещена стилизованная женская фигура, составленная из двух симметричных завитков (горизонтальная перекладина соединена со стояном с помощью квадратной гайки).

Еще один светец¹⁴ имеет витой вертикальный стоян, который завершается тремя разветвлениями для лучин в виде тюльпана. Внизу стержень разрублен на две полосы, из которых дугообразно отогнуты толстые плоские ножки. Ранее светец датировался XVIII в. В настоящее время по аналогиям из коллекции ГИМ¹⁵ датировка уточняется — вторая половина XVIII столетия.

Третий светец¹⁶ имеет круглый стоян с тремя декоративными элементами. Нижний фрагмент стержня раскован на три ножки, приваренные к основанию в виде плоского кольца. Вверху — два боковых ответвления и одно центральное, все с четырехпальными рогульками. Центральное ответвление дополнено подсвечником. В инвентарных книгах памятник датировался XVIII столетием. Сегодня датировку необходимо уточнить: вторая половина XVIII — начало XIX в.¹⁷

Как справедливо писал Н.Р. Левинсон, «при изучении светцов для лучин выявляется, что и в убогой обстановке жилья мелкого трудового населения городов и сельского крестьянства стремление к украшению осветительных приборов было не менее интенсивным (чем у «господствующих классов». — Г. П.) и давало выдающиеся результаты по замыслу и непосредственному художественному чувству, как и в других отраслях народного творчества. В светцах сохранились выразительные примеры чрезвычайно продуманного соединения практической целесообразности в сочетании с полноценным осуществлением декоративных возможностей используемого материала»¹⁸.

К другому типу осветительных приборов относится подсвечник, рассчитанный на одну свечу¹⁹. Он выкован из железа. Подсвечник состоит из восьми полос, укрепленных на круглом основании, которые несут две широкие перекрещивающиеся пластины с парными завитками на концах. В месте пересечения пластин вставлена и закреплена спиралевидная профитка. В последнюю вставлен зажим для лучины. Памятник ранее датировался XVII в. В настоящее время более корректной

Рис. 1. Светец (деталь). Железо, ковка, литье (инв. № М-826). [Здесь и далее представлены изображения из коллекции отдела народного искусства Государственного Русского музея.]

¹⁴ Инв. № М-827. Размеры: 1,82 м × 34,1 см.

¹⁵ Кованые железные светцы..., 2013. С. 53, 57.

¹⁶ Инв. № М-828. Размеры: 1,66 м × 34,4 см.

¹⁷ Аналогии из коллекции ГИМ: Кованые железные светцы..., 2013. С. 59, 63, 67.

¹⁸ Левинсон, 2013. С. 23.

¹⁹ Инв. № М-830.

Рис. 2. Кронштейн. Железо, ковка (инв. № М-836)

представляется датировка «вторая половина XVIII столетия». В музейных собраниях подобные предметы встречаются нечасто²⁰.

К близкой области народного искусства относятся три металлических кронштейна²¹, которые использовались для подвешивания лампад. В музейных собраниях такие предметы датируются очень широко: XVII — первая половина XIX в.²² В инвентарной книге отдела народного искусства сведений о времени и месте создания кронштейнов нет²³. Они представляют собой ветви с плодами и листьями разной формы. Удивительное мастерство русских кузнецов позволило воссоздать в этих произведениях образ цветущей природы (рис. 2). По словам Н. Р. Левинсона, «нет другой области использования железа, в которой с такой выразительностью, разнообразием и искусством нашли осуществление наилучшие декоративные замыслы народных мастеров-художников кузнечного дела, с таким умением были использованы и выявлены все специфические свойства материала — его ковкость, тягучесть и вязкость, податливость сложным изгибам с сохранением прочности, возможность крепчайшего соединения отдельных частей сваркой без привнесения инородных связующих материалов или механических креплений»²⁴.

Превосходным примером мастерства русских кузнецов является также большой ларец-теремок, все стороны которого обиты ажурными железными полосами,

²⁰ Аналогии: ГИМ (инв. № МЖ 169, вторая половина XVIII в.); Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник (инв. № О-881, XVII в.).

²¹ Инв. № М-836, М- 837, М-838.

²² Например, в ГИМ (инв. № МЖ 4991, МЖ 7117, МЖ 11200, МЖ 2453, МЖ 10756); Государственном Эрмитаже (инв. № ЭРП 1035, ЭРП 1049, ЭРП 1050). Аналогичное произведение из Великоустюгского музея-заповедника атрибутируется как работа местных мастеров XVIII в. (Митурич (сост.), 2013. С. 130).

²³ Однако в книге «Добрых рук мастерство» один из них (инв. № М-836) датируется XVIII в. (Голыбина, 1976. С. 17). В другом издании, более позднем, памятник датируется XVII в. (Григорьева, 1984. № 112). Памятник находится на постоянной экспозиции ОНИ ГРМ.

²⁴ Левинсон, 2013. С. 32. Слова относились к светцам, но вполне применимы к кронштейнам для лампад.

расположенными на равном расстоянии друг от друга²⁵. Между просечными полосами — тонкие сплошные (по пять на лицевой и оборотной стенках и по четыре — на боковых). Как справедливо писал А. Е. Горпенко, такое художественное решение «создавало наилучшие условия для целостного восприятия формы предмета и его орнаментального убранства, позволяло избежать перегруженности при значительной насыщенности и сложности узора»²⁶. Под ажурные полосы подложена слюда. Ларец-теремок снабжен специальным фигурным держателем, который удерживает крышку в открытом состоянии. На боковых сторонах — по одной кованой ручке, снизу — невысокие металлические ножки. Ларец состоит из двух отделений («о два жира»), каждое из которых имеет собственный внутренний замок. В крупном нижнем отделении располагаются полочки, состоящие из трех отделов. Они закрываются собственными крышками, причем боковые могут быть открыты только при условии, если открыт центральный. Полочка, которая располагается у задней стенки, снабжена отдельным железным замком. Все внутренние поверхности ларца оклеены бумагой, на которую нанесены изображения цветов и листьев. В музейных собраниях сохранилось множество аналогичных изделий, все они атрибутируются как работа мастеров Русского Севера XVII–XVIII вв.²⁷ По этой причине атрибуция ларца, которая имеется в инвентарной книге (Архангельская губерния, Холмогоры, середина — вторая половина XVII в.), представляется вполне справедливой.

Особо интересен другой ларец-теремок из коллекции отдела народного искусства²⁸(рис. 3). Это изделие больших размеров²⁹, состоящее из двух отделений. Все стороны покрыты железными просечными листами с сюжетными изображениями: на лицевой — большой двуглавый орел с короной, на правой стороне — изображение поединка всадника и пешего воина, на оборотной стенке — всадник с конем и влюбленная пара, на левой стенке — изображение поединка двух пешеходных воинов, за которым наблюдают два зрителя, и, наконец, на крышке представлено изображение пешего воина. Все сценки окружены плотным растительным орнаментом и заключены в рамку. Боковые стороны крышки декорированы изображениями гиппокампов и других мифологических существ. Кроме того, на каждой

Рис. 3. Ларец-теремок. Железо, дерево, слюда, ковка, гравировка, литье (инв. № М-833)

²⁵ Инв. № М-834.

²⁶ Горпенко, 1966. С. 120.

²⁷ Например, аналогии из ГИМ (инв. № МЖ 6606, МЖ 6832, МЖ 7171). См. также: Гилодо, Лобанева, 1990.

²⁸ Инв. № М-833. В инвентарных книгах ОНИ не атрибутирован, в актах передачи есть дата — XVII в.

²⁹ Размеры: 37,6 × 37,6 × 60.

Рис. 4. Братина. Медь, чеканка, гравировка (инв. № М-829)

стенке крышки расположена широкая лента, в которой помещена надпись.

Памятник имеет сложную историю бытования — на нем обнаружены многочисленные следы ремонта. Можно утверждать, что железные листы были прибиты к деревянной основе другого изделия — на оборотной стенке, под листьями, просматриваются петли предыдущего ларца. Кроме того, были сняты железные полосы, укреплявшие дно. Несмотря на то, что роскошное декоративное оформление ларца со временем понесло утраты, разнообразие материалов и техник³⁰, чрезвычайно высокий уровень исполнения заставляют отнести его к шедеврам народного искусства.

В музеях подобные изделия встречаются крайне редко. Например, в Орловском краеведческом музее находится аналогичный ларец, который датируется второй половиной XVIII в.³¹ Его стенки также покрыты металлическими листами с сюжетными изображениями, представляющими воинов. Художественный стиль ларца очень близок стилю изделия из отдела народного искусства. Отличие состоит лишь в наличии большой петли в виде двуглавого орла, которая располагается на лицевой стороне, и отсутствии надписи.

Другой аналогичный ларец находится в коллекции Смоленского государственного музея-заповедника³². В музее он атрибутируется как западноевропейская работа первой половины XIX в. (предположительно). Размеры этого ларца почти идентичны размерам рассмотренных изделий. Все стороны также покрыты металлическими листами с сюжетными изображениями³³ в окружении богатого растительного орнамента. Надпись, как на ларце Орловского музея, отсутствует.

Касательно этих трех произведений в настоящее время остается множество нерешенных вопросов. Ясно лишь одно: они представляют изделия крупной мастерской, вероятно столичной. При этом мастера прекрасно ориентировались в истории не только прикладного искусства, но и литературы.

Подобная неопределенность имеется в отношении медной братины³⁴, также поступившей в Русский музей в составе бывшего собрания архитектора В. А. Таубера (рис. 4). У братины гладкое отогнутое горло, приплюснутое тулово и гладкое низкое основание. На тулово в технике чеканки нанесен богатый растительный орнамент. Композиция четко делится на три полосы — одну широкую (в центре) и две узких (сверху и снизу). В широкой полосе расположены 12 медальонов, по форме напоминающих мандорлу. Они заполнены прихотливо извивающимися растительными

³⁰ Благодарю за содействие С. В. Сирро — заведующего отделом технологических исследований Государственного Русского музея.

³¹ № КП ОКМ-2059.

³² Инв. № П/ 6819.

³³ Сюжеты, вероятно, другие (памятник находится в плохой сохранности).

³⁴ Инв. № М-829. В инвентарной книге нет сведений о времени и месте создания.

завитками. В пространстве между медальонами — полукруглые сегменты, внутри которых также расположены растительные завитки. Фон центральной полосы — канфаренный. Две узкие полосы заполнены орнаментальными лентами с волнообразными завитками. Братина представляет собой прекрасный образец мастерства русских чеканщиков. Большинство подобных вещей из собраний музеев России датируется XVIII в., наиболее близкая аналогия — в коллекции ГИМ³⁵.

Ранее в собрании В. А. Таубера находились четыре железных ключа, которые датируются XVIII в.³⁶ Изделия демонстрируют разнообразие художественных решений, которое существовало в такой, казалось бы, малозаметной области прикладного искусства. По словам А. А. Кудрявцева, в настоящее время не существует ни типологии, ни хронологии русских ключей³⁷. По этой причине уточнить атрибуцию памятников из отдела народного искусства не представляется возможным.

Брачные венцы, игравшие важную роль в церковном обряде³⁸, представлены двумя парными образцами³⁹. В актах передачи они датируются XVIII в., но в инвентарных книгах информации о времени и месте их создания нет⁴⁰. О существовании брачных венцов в русской церковной жизни известно с XIV столетия⁴¹. Форма этих предметов могла быть различной, так как не существовало канона для их изготовления⁴². З. В. Михайлова указывала, что «форма брачных венцов трансформируется в соответствии с изменением формы головного убора государя»⁴³. Н. В. Покровский выделил шесть видов русских брачных венцов⁴⁴. Предметы из отдела народного искусства относятся к последнему, шестому, типу (рис. 5). Каждый венец состоит из широкого обруча, укрепленных на нем металлических листьев, тщательно

Рис. 5. Брачный венец. Жесть, стекло, олово, слюда (инв. № М-831)

³⁵ Инв. № ММ 14304. Датируется более широко: XVIII–XIX вв.

³⁶ Инв. № М-822, М-823, М-824, М-825. Здесь следует назвать три замка из собрания В. А. Таубера, которые поступили в ОНИ ГРМ (инв. № М-819, М-820, М-821). Ключ М-824 сегодня находится на постоянной экспозиции отдела народного искусства.

³⁷ Сообщено в личном письме автору статьи.

³⁸ Бернштам, 1963.

³⁹ Инв. № М-831, М-832.

⁴⁰ Аналогичные произведения из коллекции ГИМ также датируются XVIII в. (инв. № МЖ 1752/1, 1752/2).

⁴¹ Михайлова, 2015. С. 104. Н. В. Покровский указывает на XVI в., однако признает, что брачные венцы могли делаться и значительно раньше (Покровский, 1882. С. 140). В более поздней работе, представляющей краткое изложение предыдущей, Н. В. Покровский писал, что «в России венцы явились вместе с христианством» (Покровский, 1887. С. 203).

⁴² Письмо архиепископа Феофана Прокоповича к канцлеру Остерману, 1852.

⁴³ Михайлова, 2015. С. 104.

⁴⁴ Покровский, 1882. С. 140–152.

вырезанных мастером, и четырех пересекающихся полос. Несмотря на то что памятники сегодня находятся в плохой сохранности, привлекает внимание богатство их художественного оформления. Мастера использовали стекло, ажурные оловянные накладки, слюду, в центре каждого венца — живописное изображение (на одном — Богоматерь Знамение, на другом — Христос Вседержитель⁴⁵). О. В. Клюканова справедливо писала: «Настойчивое стремление уподобить брачный венец, исполненный из простого материала, драгоценному образцу находит объяснение как в символике венца, так и в самом обряде венчания. Венцы возлагались на головы жениха и невесты при пении стиха “Положи еси на главах их венцы от камней честных”»⁴⁶. Следует отметить, что материалы и техника, к которым обращались мастера при изготовлении рассматриваемых венцов, широко распространены среди других произведений русского прикладного искусства XVII–XVIII вв., например ларцов и выносных фонарей. Многие из них атрибутируются как изделия мастеров Русского Севера или Великого Новгорода⁴⁷. Наличие изображения Богоматери Знамение может косвенно указывать на новгородское происхождение венцов⁴⁸. Таким образом, венцы из отдела народного искусства могут иметь либо северорусское, либо новгородское происхождение.

Однако не все произведения из бывшего собрания архитектора В. А. Таубера имеют отношение к русскому декоративно-прикладному искусству. В отдел народного искусства в составе этой коллекции поступил памятник, который обозначен в инвентарных книгах как курительница⁴⁹. Это изготовленная из железа в технике литья голова быка, состоящая из двух частей (рис. 6). Они соединяются петлями на «затылке». В голове четыре отверстия: на месте глаз и ноздрей. Вся поверхность памятника покрыта в технике гравировки многочисленными изображениями людей. Сверху и на каждой из боковых сторон — надписи на арабском языке. Удалось установить, что это изделие — часть персидской булавы (в винтовое соединение, расположенное снизу, вставлялся стержень). Их в большом количестве

⁴⁵ Эти изображения были обязательны для художественного оформления венцов, другие могли варьироваться.

⁴⁶ Клюканова, 2007. С. 152.

⁴⁷ Светильники Древней Руси из собрания Русского музея, 2013. С. 154–157. См. также памятники из коллекции ГИМ (инв. № ОЛ 1543/1), Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Шусева (инв. № Р IX-114, Р IX-115).

⁴⁸ Покровский, 1882. С. 153. Н. В. Пивоварова и О. В. Клюканова справедливо уточняют, что хотя изображение Богоматери Знамение действительно характерно для новгородского искусства, на брачных венцах оно встречается повсеместно (Пивоварова, Клюканова, 2010. С. 17). Не все признаки новгородского происхождения брачных венцов, выделенные этими исследователями (Пивоварова, Клюканова, 2010. С. 16–17), встречаются на памятниках из отдела народного искусства.

⁴⁹ Инв. № М-835. Размеры: 33,5 × 22. Сведения о месте и времени создания отсутствуют. Материал (чугун) указан неверно — предмет изготовлен из железа, также присутствуют серебро, латунь и красный сурик. Изучение состава и покрытия курительницы проводилось методом рентгенфлуоресцентного анализа в отделе технологических исследований Русского музея. В заключении указано: «Представленная на исследование курительница выполнена из железа. Примесей, характерных для чугуна, в составе металла не обнаружено. Лицевая поверхность памятника имеет декор в виде золотистых и темно-серых узоров. Золотистые узоры выполнены латунью, а темно-серые представляют из себя потемневшее серебро. Следов золота на поверхности курительницы не обнаружено. Внутри курительница имеет следы красной краски на основе свинцового сурика, а также отложения белой массы, представляющей из себя известку с гипсом. По набору обнаруженных материалов в декоре предмета его можно датировать XIX веком».

изготавливали в XIX в. для экспорта в Европу и в качестве сувениров⁵⁰. Булава с головой коровы или быка носила название «горз-и гавсар» (горз — «булава»). Она, как и булава с головой дива (демона), часто ассоциируется с суфийской культурой и считается принадлежностью бродячих дервишей. Но в целом в иранской истории, в том числе в зороастрийской традиции, жезл с головой быка — символ власти, с ним часто изображались правители. В поэме «Шах-наме» булава упоминается как оружие, которое выковывают для героя Фаридуна в память о выкормившей его корове Бермайе. В миниатюрной живописи она тоже часто фигурирует в руках у разных героев как оружие, которым они поражают врагов⁵¹. Изображения людей на поверхности булавы из отдела народного искусства, вероятнее всего, являются изображениями героев поэмы «Шах-наме» персидского поэта Фирдоуси.

Рис. 6. Булава (навершие). XIX в., Иран. Железо, серебро, сурик, ковка, гравировка (инв. № М-835)

Рассмотренные произведения, которые ныне находятся в отделе народного искусства, — лишь часть коллекции архитектора В. А. Таубера: в 1925 г., как указывалось ранее, он пожертвовал множество церковной утвари Музею отживающего культа; при поступлении в Русский музей вещи были распределены между несколькими отделами. Коллекция оказалась разрозненной. Тем не менее многие произведения из собрания В. А. Таубера — первоклассные памятники народного искусства, что подчеркивается их пребыванием на постоянной экспозиции отдела народного искусства Русского музея.

Литература

- Ананьев В. Г. 2018а. Музей отживающего культа (1923–1927): история создания и пути формирования коллекции. *Вестник Томского государственного университета* 432: 57–64.
- Ананьев В. Г. 2018б. Музей отживающего культа и его экспозиционные практики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология* 34 (2): 299–310.
- Бернштам Т. А. 1963. Забытый памятник древнерусского искусства (берестяные и деревянные расписные брачные венцы XVII века). *Советская этнография* 2: 130–134.
- Гилодо А. А., Лобанева Т. А. 1990. Русские сундучные изделия с кованой железной отделкой XVII–XVIII вв. Князевская Т. Б. (сост.). *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1989*. М.: Наука: 350–365.
- Голыбина Н. В. 1976. Кузнечных дел мастера. Богуславская И. Я. (сост. и науч. ред.) *Добрых рук мастерство: произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Сборник*. Л.: Искусство. 12–20.

⁵⁰ См. аналогии предмету: Российский этнографический музей (РЭМ 6776-221, РЭМ 1770-1, РЭМ 385-7), Государственный Эрмитаж (инв. № В.-О.-5365, В.-О.-3321), Музей Виктории и Альберта (№ IM. 49-1928, № 590-1876), Метрополитен-музей (№ 36.25.1882).

⁵¹ Благодарю за содействие Марию Всеволодовну Кулланду — зав. отделом Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии (Государственный музей Востока, г. Москва).

- Горпенко А. Е. 1966. Русское просечное железо XVII–XVIII вв. *Сборник трудов НИИХП. Вып. 3*. М.: Легкая индустрия. 119–147.
- Григорьева Н. С. 1984. Художественная обработка металлов. Богуславская И. Я. (ред.-сост.). *Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея*. Л.: Художник РСФСР. № 112.
- Клюканова О. В. 2007. К истории коллекции древнерусского прикладного искусства ГРМ. Деревянные брачные венцы: вопросы классификации. *Проблемы изучения, сохранения и использования наследия христианской деревянной скульптуры. Материалы 1-го межрегионального симпозиума (3–4 декабря 2003 года)*. Пермь: издатель И. Максарова. 147–157.
- Кованые железные светцы XVII–XIX веков. *Из собрания Государственного исторического музея*. 2013. М.: Исторический музей.
- Левинсон Н. Р. 2013. Кузнечное народно-художественное мастерство. Железно-кованые светцы XVII–XIX веков. *Кованые железные светцы XVII–XIX веков. Из собрания Государственного исторического музея*. М.: Исторический музей: 8–44.
- Митурич С. В. (сост.) 2013. *Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Альбом-путеводитель по коллекциям народного и декоративно-прикладного искусства*. М.: Три квадрата.
- Михайлова З. В. 2015. К вопросу изучения берестяных брачных венцов XVII–XVIII вв. *Вопросы музееологии* 1 (11): 103–108.
- Пивоварова Н., Клюканова О. 2010. Новгородские брачные венцы из собрания Русского музея. Вопросы типологии и атрибуции. *София* 4: 14–17.
- Письмо архиепископа Феофана Прокоповича к канцлеру Остерману. 1852. *Москвитянин* 6 (22): 1–2.
- Покровский Н. В. 1882. Брачные венцы и царские короны: история формы брачных венцов и их символическое значение. *Христианское чтение* 7–8: 127–160.
- Покровский Н. В. 1887. О брачных венцах. *Труды V Археологического съезда в Тифлисе*. М.: Тип. В. И. Мамонтова. 203–206.
- Рогачев Г. М. 2003. Редкая астроябля эпохи Возрождения из коллекции Центрального военно-морского музея. *Центральный военно-морской музей*. СПб. URL: <https://navalmuseum.ru/news?id=405> (дата обращения: 25.05.2024).
- Светильники Древней Руси из собрания Русского музея. 2013. *Альманах. Вып. 367*. СПб.: Palace Editions.
- Шехурина Л. Д. 2006. Музейная деятельность общества «Старый Петербург — Новый Ленинград». Пиотровский М. Б. и Никонова А. А. (ред.). *Сбор лиц. Сб. ст.* СПб.: СПбГУ; Государственный Эрмитаж. 189–196.

Контактная информация:

Пудов Глеб Александрович — канд. искусствоведения, ст. науч. сотр.; narodnik80@list.ru

Статья поступила в редакцию 13 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 22 февраля 2024 г.

About the works from the collection of architect V. A. Tauber in the department of folk art of the State Russian Museum

G. A. Pudov

The State Russian Museum,
4, ul. Inzhenernaya, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Pudov G. A. 2024. About the works from the collection of architect V. A. Tauber in the department of folk art of the State Russian Museum. *The Issues of Museology* 15 (1): 85–96. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2024.108> (In Russian)

This paper deals with works of art from the former collection of Viktor Alexandrovich Tauber. He was a famous architect, one of the organizers of the Museum of the dying cult (1923–1927).

The existence of his personal collection is confirmed already in 1925, when he donated to the museum six boxes with disassembled parts of various copper church utensils. After the architect's death, when being accepted for temporary storage in the Russian museum in 1944, the items were distributed among several departments. Today, some of them are in the folk art department. A variety of metal products from the collection of V. A. Tauber (candles, wedding crowns, keys, locks, candleholder, caskets called "teremki", brackets, bratina, mace) have not previously been the subject of special research. Most of them did not have the time and place of production determined. Therefore, the author of this article focused on the issues of attribution of these products. The artistic analysis was also carried out. Numerous analogies from Russian and foreign museums were used. The items were considered as a whole collection. As a result, it is concluded that most of the items from the collection of V. A. Tauber are beautiful works of folk art, which demonstrates an infinite variety of artistic solutions. This is emphasized not only by their presence on the permanent exhibition of the department of folk art, but also by their publication in various museum books. Most of the artistic works are in the field of ecclesiastical art, so it is possible that they are related to the Museum of a dying cult.

Keywords: Viktor Aleksandrovich Tauber, collection, Museum of a dying cult, Department of folk art, State Russian Museum.

References

- Anan'ev V. G. 2018a. The museum of the dying cult (1923–1927): The history of creation and ways of forming the collection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 432: 57–64. (In Russian)
- Anan'ev V. G. 2018b. The museum of a Dying Cult and its exposition practices. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* 34 (2): 299–310. (In Russian)
- Bernshtam T. A. 1963. A forgotten artistic work of ancient Russian art. Birch bark and wooden painted wedding crowns of the XVII century. *Sovetskaia etnografiia* 2: 130–134. (In Russian)
- Candlesticks of Ancient Russia from the collection of the Russian museum*. 2013. Al'manakh. Iss. 367. St. Petersburg: Palace Editions Publ. (In Russian)
- Gilodo A. A., Lobaneva T. A. 1990. The Russian chest products with forged iron of the XVII–XVIII centuries. Kniazevskaia T. B. (comp.). *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Iezhegodnik*. 1989. Moscow: Nauka Publ. 350–365. (In Russian)
- Golybina N. V. 1976. The blacksmithing masters. Boguslavskaia I. Ia. (comp., ed.). *Dobrykh ruk masterstvo: Proizvedeniia narodnogo iskusstva v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeia*: Leningrad: Iskusstvo Publ. 12–20. (In Russian)
- Gorpenko A. E. 1966. The Russian artistic iron of the XVII–XVIII centuries. *Sbornik trudov NIIXP. Iss. 3*. Moscow: Liogkaia industriia Publ. 119–147. (In Russian)
- Grigorieva N. S. 1984. The artistic processing of metals. Boguslavskaia I. Ia. (ed., comp.). *Russkoe narodnoe iskusstvo v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeia*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ. № 112. (In Russian)
- Kliukanova O. V. 2007. On the history of the collection of ancient Russian applied art of the State museum of fine arts. Wooden wedding crowns: classification issues. *Problemy izuchenii, sokhraneniia i ispol'zovaniia nasledii khristianskoi dereviannoï skul'ptury. Materialy 1-go mezhregional'nogo simpoziuma (December 3–4 2003)*. Perm: I. Maksarova Publ. 147–157. (In Russian)
- Letter from Archbishop Feofan Prokopovich to chancellor Osterman. 1852. *Moskvitianin* 6 (22): 1–2.
- Levinson N. R. 2013. The blacksmithing folk art. Iron-forged candlesticks of the XVII–XIX centuries. *Kovany'e zhelezny'e svetsy XVII–XIX vekov. Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. Moscow: Istoricheskii muzei Publ. 8–44. (In Russian)
- Mikhailova Z. V. 2015. On the issue of studying birch bark wedding crowns of the XVII–XVIII centuries. *The Issues of Museology* 1 (11): 103–108. (In Russian)
- Miturich S. V. (comp.). 2013. *The historical, architectural and art museum-reserve of Veliky Ustyug. Album-guide to collections of folk and decorative arts*. Moscow: Tri Kvadrata Publ. (In Russian)
- Pivovarova N., Klyukanova O. 2010. Novgorod wedding crowns from the collection of the Russian museum. Typology and attribution issues. *Sofiia* 4: 14–17. (In Russian)

- Pokrovskii N. V. 1882. Wedding crowns and royal crowns: The history of the form of wedding crowns and their symbolic meaning. *Khristianskoe chtenie* 7–8: 127–160. (In Russian)
- Pokrovskii N. V. 1887. About marriage crowns. *Trudy V Arkheologicheskogo s'ezda v Tiflise*. Moscow: Tipografia V. I. Mamontova Publ. 203–206. (In Russian)
- Rogachev G. M. 2003. A rare Renaissance astrolabe from the collection of the Central Naval Museum. *Tsentral'nyi voenno-morskoi musei*. St Petersburg. Available at: <https://navalmuseum.ru/news?id=405> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
- Shekhurina L. D. 2006. The museum activity of the society “Old Petersburg — New Leningrad”. Piotrovskii M. B., Nikonova A. A. (eds). *Sobor lits: sbornik statei*. St Petersburg, 189–196. (In Russian)
- The wrought iron candlesticks of the XVII–XIX centuries. From the collection of the State historical museum*. 2013. Moscow: Istoricheskii muzei Publ. (In Russian)

Author's information

Gleb A. Pudov — PhD in Arts, Senior Researcher; narodnik80@list.ru

Received: December 13, 2023

Accepted: February 22, 2024